

II.

Цѣли и нормы жизни.

I.

Прошло всего нѣсколько тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ жизнь человѣчества перестала быть голою «борьбой за существованіе». Цѣлыя тысячи вѣковъ весь ея смыслъ, все содержаніе сводились къ простому ея *сохраненію*, къ ея отстаиванію противъ грозныхъ и враждебныхъ силъ внѣшняго міра. Всѣ усилія людей направлялись къ тому, чтобы только избѣгнуть ея крушенія и гибели, чтобы только поддерживать ее, поддерживать *такою, какова она есть*; при ея слабости и неустойчивости малѣйшее измѣненіе угрожаетъ ей страшной опасностью, почти неминуемымъ разрушеніемъ; и человѣкъ чувствуетъ непреодолимый ужасъ передъ всѣмъ новымъ и необычнымъ въ своей собственной жизни, какъ и въ окружающей природѣ.

Все это вполне естественно и законно. Когда чуть теплится огонекъ жизни, всякое колебаніе для него опасно, грозитъ погасить его безповоротно. Стихійныя вліянія внѣшняго міра не могутъ не порождать время отъ времени стихійныхъ измѣненій въ природѣ людей, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; но измѣненія эти безконечно чаще гибельны, чѣмъ полезны для жизни; они нарушаютъ сложившееся равновѣсіе жизни, а въ ней нѣтъ элементовъ для того, чтобы произвести новое, высшее; и тогда ея паденіе неизбежно. Отсюда *стихійный консерватизмъ* первобытной жизни, отсюда то громадное внутреннее сопротивленіе, которое оказываетъ она всякому развитію, всякому преобразованію. Этотъ консерватизмъ и это сопротивленіе такъ долго царили надъ человѣчествомъ безраздѣльно, что ихъ не успѣло изгладить все движеніе исторической жизни, и слѣды ихъ на каждомъ шагу даютъ себя чувствовать даже въ психологіи прогрессивнѣйшихъ группъ и классовъ современнаго общества.

Въ эпоху первобытнаго консерватизма вопросъ о «нормахъ» человѣческой жизни является чрезвычайно упрощеннымъ, точнѣе даже—не существуетъ. Данная, сложившаяся

форма жизни и есть *абсолютно-должное*; ея консерватизмъ есть ея норма. Ничто не должно измѣняться; все должно быть, какъ было и какъ есть: такова «всеобщая норма» первобытной психологiи.

Но, въ сущности, это даже не норма. Всякая норма предполагаетъ болѣе или менѣе сознательную формулировку, и предполагаетъ мысль о возможности «нарушенія». Первобытный консерватизмъ свободенъ отъ всякой сознательной формулировки, въ ней нѣтъ надобности, потому что нѣтъ мысли о возможности «нарушить» этотъ консерватизмъ. Онъ *существуетъ*, и его такъ же мало требуется формулировать въ видѣ нормы, какъ инстинктъ самосохраненія, чистѣйшей формой котораго онъ является. Все, что его разрушаетъ — внѣшняя и враждебная сила для первобытнаго человѣка; и противъ всего этого человѣкъ борется стихійно, повинувшись непосредственному импульсу своей организаци, — а не голосу совѣсти, правового сознанія или хотя бы благоразумія, выражающему свои требованія въ видѣ различныхъ «нормъ».

Надъ первобытною жизнью царить «обычай», — такъ принято ее характеризовать. Но этотъ «обычай» вовсе не то, что называютъ

такимъ именемъ въ современномъ мірѣ: онъ не есть старая, извѣстная всѣмъ *норма*, не правило, которымъ люди руководятся и котораго стараются не нарушать, а тысячелѣтняя *привычка*, составляющая нераздѣльную часть человѣческаго существа. Бываютъ случаи, что и этотъ «обычай» нарушается, — но для первобытнаго сознанія это просто нарушеніе естественнаго порядка фактовъ, все равно какъ рожденіе двухголоваго чудовища или солнечное затменіе. Чудовищнаго младенца выбрасываютъ, нарушителя обычая убиваютъ или изгоняютъ, темную силу, помрачающую солнце, стараются отогнать стрѣлами, — все это психологически — однородныя дѣйствія, проявленія бессознательнаго и безусловнаго консерватизма жизни, инстинкта самосохраненія въ первичной фазѣ его развитія.

Люди, принадлежащіе къ одной первобытно-родовой группѣ, психологически настолько же тождественны между собою, насколько одинаково организованы физически. Благодаря этому ихъ взаимныя отношенія безконечно просты и чужды всякихъ противорѣчій. Нормы же нужны только тамъ, гдѣ отношенія сложны и противорѣчивы. Вотъ почему первобытная жизнь ихъ не знаетъ, вотъ почему

ей незнакомы даже тѣ основныя представленія, которыя составляютъ необходимое содержаніе всякой нормировки. Въ этомъ далекомъ отъ насъ мірѣ нѣтъ мѣста идеямъ «должнаго» и «не должнаго», «принужденія» и «свободы», «закона» и его «нарушенія». Есть только непосредственная жизнь, которая судорожно борется противъ всего нарушающаго одинаковый въ безчисленныхъ повтореніяхъ циклъ ея стихійнаго теченія.

II.

Нормы человѣческой жизни выражаютъ собою познаніе «добра и зла». Царство ихъ начинается съ грѣхопадениемъ человѣка.

Грѣхопаденіе это совершилось не въ одинъ день и не въ тысячу лѣтъ; оно было долгимъ, страшно медленнымъ процессомъ. Состояло оно въ томъ, что жизнь все болѣе переставала быть абсолютно вѣрною тому, чѣмъ она была, — переставала быть вѣрною своей изначальной окаменѣлой формѣ...

Какъ бы ни были рѣдки и случайны *полезныя* измѣненія первобытно-консервативной жизни, но они сохраняются съ нею, потому что помогаютъ ей сохраняться, тогда

какъ всѣ инныя измѣненія губятъ ее и гибнуть вмѣстѣ съ нею. Путемъ безконечнаго накопленія безконечно-малыхъ создаются новыя реальныя величины. Сила жизни возрастаетъ и перевѣшиваетъ въ борьбѣ силы враждебной природы.

Избытокъ энергіи вызываетъ ростъ жизни и, накопляясь, порождаетъ потребность въ новыхъ формахъ ея равновѣсія. Чѣмъ быстрее совершается накопленіе энергіи, тѣмъ сильнѣе потребность въ новыхъ комбинаціяхъ и отношеніяхъ, тѣмъ менѣе возможно и цѣлесообразно простое сохраненіе данныхъ формъ.

Такимъ образомъ, въ силу необходимости, изъ простаго повторенія неизмѣнныхъ цикловъ—жизнь мало-по-малу начала превращаться въ развитіе, изъ голой борьбы за сохраненіе того, что есть—въ борьбу за большее. *Данное* перестало быть для нея единственной цѣлью и нормой.

Зарождающееся развитіе не могло быть инымъ, какъ стихійнымъ развитіемъ, возникающая борьба за большее въ жизни—иною, какъ бессознательной борьбой. Движеніе впередъ было произвольнымъ и чуждымъ планомѣрности. Поэтому въ каждый данный

моментъ, въ каждомъ данномъ проявленіи оно оказывалось частнымъ и одностороннимъ, а не цѣлостнымъ и общимъ. Оно *нарушало* сложившуюся гармонію жизненной системы. Тогда выступалъ на сцену старый инстинктъ *сохраненія даннаго*, стремленіе отстоять и возстановить прежнюю гармонію; но побѣдить вполнѣ онъ уже не могъ, потому что сила развитія возрастала, и отступая передъ нею въ борьбѣ, онъ переходилъ въ новую форму — стремленіе *положить граници* нарушенію сложившейся гармоніи. Здѣсь и лежитъ исходная точка образованія принудительныхъ нормъ.

Такъ, если въ коммунистическихъ родовыхъ общинахъ начинали все чаще появляться случаи захвата отдѣльными ихъ членами въ исключительное пользованіе какихъ-нибудь средствъ труда или потребленія — орудій, одежды, украшеній, — то несомнѣнно, что эти факты — исторически вполнѣ прогрессивные — глубоко потрясали весь строй общинной жизни и вызывали болѣзненную реакцію. Но простое ихъ подавленіе, какое практиковалось, разумѣется, вначалѣ, не достигало цѣли; они повторялись чаще и чаще, ихъ неизбѣжность входила въ коллективное

сознаніе, оно вынуждено было къ нимъ приспособляться. Тогда его полубезсознательное творчество приводило къ нѣкоторому компромиссу: «новое» допускалось, но до известнаго предѣла, за которымъ начиналось подавленіе. Воплощеніемъ компромисса была *норма обычая*: «это можно, а этого нельзя». «Нельзя» означало реальную санкцію нормы — общественное принужденіе, насиліе направленное противъ ея нарушителя. Таковъ былъ первый плодъ коллективнаго творчества, направленнаго на борьбу съ противорѣчіями соціальнаго развитія.

III.

Что же именно довело людей до того грѣховнаго состоянія, при которомъ уклоненія отъ сложившихся формъ жизни перестали быть совершенно исключительнымъ явленіемъ, вошли въ цѣпь естественныхъ событій?

Дѣло началось съ того, что психологическое тожество людей одной группы исчезло, ихъ мышленіе сдѣлалось не «сплошнымъ». *Раздѣленіе труда* стало шагъ за шагомъ вытѣснять прежнюю его однородность; а

оно было въ то же время *раздѣленіемъ опыта*. Содержаніе трудовой дѣятельности людей становилось все болѣе различнымъ; матеріаль впечатлѣній, надъ которымъ приходилось работать мышленію, былъ для земледѣльца уже не тотъ, что для лѣсного охотника, у охотника не тотъ, что у рыбака. Имѣя дѣло съ неодинаковымъ матеріаломъ, мышленіе отдѣльныхъ людей все чаще приводило къ неодинаковымъ результатамъ. Общество превращалось въ непрерывно усложняющуюся комбинацію элементовъ возрастающей разнородности. Жизненные проявленія людей оказывались все менѣе согласованными, возникала глубокая и сильная потребность въ ихъ согласованіи.

Раздѣленіе труда нерѣдко приводитъ людей къ столкновенію даже въ сферѣ ихъ непосредственныхъ цѣлей, когда, на примѣръ, охотникъ, гоняясь за дичью, топчетъ посѣвы хлѣбопашца или скотоводъ, пригоняя стадо на водопой, мѣшаетъ работѣ рыбака. Но гораздо важнѣе, гораздо чаще и глубже тѣ конфликты, которые обнаруживаются между привычками различныхъ работниковъ, ихъ точками зрѣнія на жизнь, ихъ способами реагировать на окружающее:

грубость и беззаботность воина плохо мирилась съ мягкостью и предусмотрительностью его сообщинника - земледѣльца, повышенныя потребности искуснаго ремесленника вызывали недоумѣніе и отвращеніе неприхотливаго рыбака и т. д., и т. под. Органическое сходство привычекъ исчезло; онѣ теряли характеръ абсолютной устойчивости и стихійной непреложности.

При такихъ условіяхъ нарушеніе прежняго «обычая» должно было встрѣчаться все чаще и чаще, оно переставало казаться чѣмъ-то чудовищно-страннымъ и непонятнымъ, прежнее безсознательно-рефлекторное отношеніе къ нему становилось невозможнымъ. Работа сознанія въ этой области была неизбежна и необходима: *прежняя* форма обычая была негодна для возстановленія то и дѣло нарушаемаго жизненнаго равновѣсія.

Тутъ и происходитъ коренное преобразование обычая, коренное даже въ томъ случаѣ, если самое содержаніе его продолжаетъ сохраняться: изъ голаго, непосредственнаго факта жизни онъ становится ея *нормой*, органическая тенденція получаетъ опредѣленную формулировку.

«Должно поступать такъ-то»!.. Это «должно» заключаетъ въ себѣ не только стремленіе *сохранить* исторически - данную форму жизненной связи, но также и представленіе о возможности ее *нарушить*. Оно выражаетъ борьбу двухъ силъ, внутреннее противорѣчіе жизни. Обѣ стороны обычая находятъ объективное воплощеніе тогда, когда его «норма» нарушается: на сцену выступаетъ «принужденіе», которымъ нарушение прекращается. «Обычай» проявляется какъ принудительная норма съ опредѣленной санкціей.

Этимъ открывается цѣлая новая область человѣческаго развитія.

IV.

Развитіе неоднородности элементовъ общественнаго цѣлаго влечетъ за собою, на извѣстной стадіи, развитіе его *неорганизованности*; и тогда міръ принудительныхъ нормъ развертывается до колоссальныхъ размѣровъ.

По мѣрѣ того, какъ отдѣльные элементы общества становятся все менѣе однородными, они все больше и легче обособляются въ своихъ жизненныхъ функціяхъ, и поддержаніе постоянной связи между ними дѣ-

лается все труднѣе. Въ небольшихъ родовыхъ или племенныхъ общинахъ это поддержаніе связи достигалось дѣятельностью общаго организатора—патріарха или вождя. Но прогрессъ производства приводитъ къ тому, что размѣры общества возрастаютъ во много разъ; и тогда общая организація труда становится невозможной. Для отдѣльной личности она уже совершенно неpossильна, а общество въ цѣломъ, благодаря разнородности своихъ элементовъ, неспособно выполнять ее коллективно. Происходитъ распадѣніе общества на отдѣльныя маленькія группы — частныя хозяйства, — изъ которыхъ каждая самостоятельно организуетъ свою трудовую дѣятельность, и внѣшнимъ образомъ не связана съ другими.

Матеріальная связь между хозяйствами остается, они образуютъ изъ себя звенья одной гигантской цѣпи — системы общественнаго раздѣленія труда; иначе они были бы вполнѣ самостоятельными обществами, и тогда каждое изъ нихъ, по ничтожности своихъ силъ, было бы совершенно неспособно къ борьбѣ за жизнь противъ внѣшней природы. Неорганизованный характеръ этой трудовой связи находитъ себѣ выраже-

ніе въ *миновыхъ отношеніяхъ* между хозяйствами; это также неорганизованное, необъединенное чьей-либо сознательной волею, непланомѣрное *распредѣленіе* продуктовъ труда въ обществѣ.

Неорганизованность жизни означаетъ непроизводительную растрату ея силъ, антагонизмъ ея формъ, противорѣчивость ея проявленій. Это относится ко всѣмъ областямъ жизни. Въ сферѣ производства общественный трудъ долженъ удовлетворять точно и во всей полнотѣ общественныя потребности. Но когда онъ неорганизованъ, когда его распредѣленіе между общественными единицами совершается безъ всякаго плана и контроля, то это строгое соотвѣтствіе его результатовъ съ общественными потребностями уже невозможно. Часть труда неминуемо разсѣивается бесплодно, создавая излишнее въ области той или иной общественной потребности, часть потребностей остается неудовлетворенной, не найдя достаточнаго количества необходимыхъ продуктовъ общественного труда. «Перепроизводство» идетъ рядомъ съ «недопроизводствомъ».

Въ сферѣ распредѣленія неорганизованность порождаетъ новыя глубокія дисгармо-

ніи. Самое распредѣленіе получаетъ форму борьбы и конкуренціи,—борьбы покупателя и продавца, конкуренціи покупателей и продавцовъ между собою; каждый стремится получить больше—за счетъ другого. Въ результатѣ—неравномѣрность, непропорціональность распредѣленія; и даже при общемъ избыткѣ потребности многихъ членовъ общества оказываются неудовлетворенными, многія хозяйства гибнуть или испытываютъ пониженіе жизни. Грубая власть рынка издѣвается надъ усиліями людей.

Въ дальнѣйшемъ развитіи та же неорганизованность соціальной системы порождаетъ борьбу классовъ, обостряющуюся по мѣрѣ роста силы самихъ классовъ. Борьба эта проникаетъ собою *всю* общественную жизнь, отъ самыхъ «матеріальныхъ» до самыхъ «идеальныхъ» ея проявленій... Колоссальный прогрессъ жизни и силы человѣчества идетъ все время рука объ руку съ колоссальнымъ ростомъ соціальныхъ контрастовъ и противорѣчій.

Не трудно понять, какое громадное значеніе для развитія имѣетъ все то, что вноситъ какой-нибудь порядокъ въ этотъ хаосъ, что сколько-нибудь организуетъ эту

неорганизованность, что ставить какія - нибудь рамки этой дисгармоніи, какъ это дѣлають принудительныя нормы. Вотъ почему общественное творчество въ этой области развертывается съ громадной силой и порождаетъ громадное богатство формъ. Это—результатъ суровой жизненной необходимости.

У.

Начало развитія нормативнаго міра положено было, какъ мы видѣли, тѣмъ, что обычай изъ непосредственнаго проявленія органически - цѣлостной жизни превратился во внѣшнюю норму принудительнаго характера. Въ дальнѣйшемъ этотъ новый «нормативный» обычай сталъ родоначальникомъ цѣлаго ряда иныхъ формъ того же типа: обычнаго права и закона, приличій и нравственности. При всѣхъ видовыхъ различіяхъ формы эти сходны между собою въ томъ, что представляютъ для членовъ общества силу внѣшнюю и принудительную, направленную къ регулированію ихъ отношеній. Смыслъ этого регулированія заключается въ томъ, что оно стремится ослабить и устранить противорѣчія, порождаемыя развитіемъ,

внести организованность въ раздробленное и анархичное общественное бытіе.

Первичная и основная форма внѣшняго принужденія, санкціонирующаго предписанія нормъ, есть прямое матеріальное насиліе общества надъ тѣмъ, кто преступаетъ норму. Эта санкція сохраняется всецѣло въ сферѣ обычая и права. Иной характеръ имѣетъ то принужденіе, которое составляетъ жизненный базисъ для нормъ приличія и нравственности: оно сводится къ общественному порицанію и презрѣнію. Эта смягченная форма общественнаго противодѣйствія «ненормальнымъ» (съ точки зрѣнія сложившихся отношеній) поступкамъ людей остается единственной для тѣхъ случаевъ, когда уклоняющіеся поступки не нарушаютъ прямо и рѣзко основныхъ жизненныхъ интересовъ коллективности, какъ они выступаютъ въ ея сознаніи,—когда эти интересы затрогиваются лишь слабо или косвенно. Являясь ослабленнымъ отраженіемъ грубо - матеріальной борьбы общества противъ «аномальныхъ» дѣйствій его членовъ, этотъ второй типъ принужденія, конечно, не исключаетъ перваго и обыкновенно къ нему присоединяется въ случаяхъ «преступленій» и «про-

ступковъ» противъ нормъ исконнаго обычая или права: такіе преступленія и проступки клеймятся, какъ нѣчто безнравственное, а иногда также — неприличное.

Нарушитель нормы самъ — дитя того общества, которое караетъ ея нарушеніе порицаніемъ и презрѣніемъ; онъ сжилъ съ нормою, онъ ее *признаетъ* даже тогда, когда, повинувшись мотивамъ непосредственнаго характера, онъ ее преступаетъ. Поэтому онъ и самъ выполняетъ по отношенію къ себѣ то «принужденіе», ту кару, которая въ данномъ обществѣ сдѣлалась постояннымъ результатомъ «ненормальнаго» образа дѣйствій, выполняетъ, по крайней мѣрѣ, въ нематеріальной формѣ порицанія и презрѣнія. Такова объективная основа мучительнаго чувства, называемаго угрызеніями совѣсти; это — индивидуально - психологическое отраженіе общественной реакціи на противныя нормѣ поступки.

Здѣсь имѣется удобная почва для индивидуалистическаго фетишизма, который и формулировала кантіанская философія морали. На томъ только основаніи, что нравственныя нормы, разъ онѣ сложились, пріобрѣтаютъ внутреннюю санкцію «угрызеній совѣ-

сти», имъ приписывается *исключительно* внутренняя обязательность, онѣ выдаются за собственное автономное законодательство абсолютной личности, лежащей въ основѣ чело-вѣческаго существа. Игнорируется при этомъ весь генезисъ нравственности: ея происхожде-ніе по прямой линіи отъ обычая, ея позднее обособленіе отъ обычнаго права, далеко еще не достигнутое, напр., въ феодально-католи-ческомъ обществѣ; игнорируется и явно *не-автономный* характеръ ея нормъ, ихъ внѣшне-принудительный характеръ, отчетливо высту-пающій въ столкновеніяхъ моральнаго долга съ инстинктами и стремленіями развивающей-ся жизни. Игнорируя все это, кантіанской философіи морали удалось надолго и для многихъ затемнить тотъ элементарно-простой фактъ, что «внутренніе» моральные кон-фликты суть конфликты непосредственныхъ импульсовъ жизни *съ внешней для нихъ*, хотя и встрѣчающейся съ ними въ одномъ полѣ личнаго сознанія, кристаллизованной силой соціального прошлаго. Во всякомъ случаѣ, освободительная борьба современнаго *аморализма*, индивидуалистическаго и соціаль-наго, уже сама по себѣ является живымъ и яркимъ доказательствомъ того, что обязатель-

ность нравственныхъ нормъ есть только исторически-преобразованная форма общественнаго принужденія.

Въ этомъ смыслѣ между нравственностью и всѣми другими нормативными формами—обычными, правовыми и т. д.—нѣтъ никакого существеннаго различія.

VI.

Организирующее значеніе нормативныхъ формъ для противорѣчиво-развивающагося социальнаго бытія людей по-истинѣ громадно. Чтобы понять его во всей полнотѣ, надо хоть приблизительно себѣ представить, во что обратилось бы общество, если бы не было этихъ нормъ. Оно разсыпалось бы, какъ бочка безъ обручей, оно разложилось бы какъ человѣческій организмъ, лишенный объединяющей и регулирующей жизнь его частей дѣятельности нервной системы.

Обмѣнъ—необходимое условіе жизни исторически-данныхъ намъ культурныхъ обществъ, конкуренція и классовый антагонизмъ—движущія силы ихъ развитія. Но обмѣнъ имѣетъ форму борьбы между покупателемъ и продавцомъ изъ-за приобрѣтенія

возможно большей цѣнности; если бы борьба эта не находила себѣ границъ въ томъ принужденіи, которое налагается обычаемъ, правомъ, нравственностью, то, естественно развертываясь, она переходила бы въ беспощадный взаимный грабежъ обмѣнивающихся, т.-е. самый обмѣнъ сталъ бы невозможенъ. Конкуренція аналогичнымъ образомъ перешла бы въ физическое истребленіе конкурентовъ, которыхъ желательно устранить; а классовая борьба не была бы мыслима въ иныхъ формахъ, кромѣ ожесточенной и кровавой междоусобной войны.

Все это такъ и бываетъ въ дѣйствительности, когда жизненные противорѣчія, временно обостряясь до крайности, прорываютъ оболочку нормъ и стихійно разыгрываются на свободѣ. Тогда громадное разрушеніе элементовъ жизни, не только дряхлѣющихъ, но также и нарождающихся, съ потрясающей наглядностью обнаруживаетъ реальный смыслъ «развитія въ противорѣчіяхъ».

По широтѣ своего жизненнаго значенія различныя нормы весьма неравноцѣнны. Правовая норма частнаго присвоенія охватываетъ и опредѣляетъ собою всю жизнь современнаго общества, между тѣмъ какъ многія,

напр., правила приличія имѣютъ отношеніе лишь къ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ общенія между людьми. Это не создаетъ принципиальнаго различія между нормами,— онѣ остаются по существу однородны, какъ *организующія приспособленія для общественной жизни людей.*

Организовать жизнь—это для насъ означаетъ стройно ее регулировать, гармонически приспособлять одни ея проявленія къ другимъ. Но именно съ этой точки зрѣнія организующее значеніе принудительныхъ нормъ нерѣдко можетъ казаться очень спорнымъ; и даже болѣе—роль ихъ становится въ иныхъ случаяхъ безусловно дезорганизующей, вносящей противорѣчія въ процессъ развитія. Такъ, въ наше время очень многія правовыя нормы въ политической жизни общества, многія нравственныя въ жизни семейной порождаютъ невыносимыя противорѣчія, глубоко дезорганизуя развивающуюся жизнь. Въ такихъ случаяхъ дѣло выясняется историческимъ изслѣдованіемъ генезиса нормы,—потому что тогда ея положительная роль принадлежитъ *прошлому*. Норма продолжаетъ сохраняться, когда уже исчезли условія, ее создавшія, а съ ними—ея жизненное значеніе; и она

остается, какъ ненужный пережитокъ на пути развитія. Иногда норма дряхлѣетъ очень быстро, какъ это бываетъ со многими правовыми установленіями; иногда она не теряетъ своей жизненности цѣлыя тысячи лѣтъ, какъ нѣкоторые нравственные принципы: различная по степени, но всегда исторически-ограниченная, жизненность эта сводится къ одному и тому же основному содержанію, къ организующей функціи въ общественномъ процессѣ.

Современныя общества, съ анархическимъ строеніемъ ихъ системы сотрудничества, держатся всецѣло на *принудительныхъ нормахъ*. Нормы *собственности и договорнаго подчиненія* составляютъ душу капитализма.

VII.

Въ первобытномъ обществѣ обычай-привычка охватывалъ собою все существованіе людей, всѣ сферы ихъ дѣятельности. Наслѣдуя обычаю, нормативныя формы захватили мало-по-малу такую же обширную область. Онѣ регулировали и технику общественного труда, и экономическія отношенія людей, и ихъ потребленіе, и ихъ мышленіе. Человѣкъ

повсюду сталъ наталкиваться на принудительныя границы, повсюду сталъ чувствовать надъ собою власть внѣшнихъ нормъ, не имъ установленныхъ, а помимо него сложившихся въ его общественной средѣ.

Такъ какъ всякое уклоненіе отъ нормы было «преступно», то «преступленія» были возможны рѣшительно во всѣхъ сферахъ жизни. Всякое крупное усовершенствованіе техники разсматривалось, какъ «преступное нововведеніе», и ожесточенно преслѣдовалось до тѣхъ поръ, пока сила нормативнаго принужденія не отступала передъ силою экономической необходимости. Живой иллюстраціей можетъ служить трагическая судьба многихъ изобрѣтеній и изобрѣтателей въ Средніе вѣка и на порогъ Новаго времени. Такое же отношеніе къ техническимъ и экономическимъ новшествамъ, только въ ослабленной формѣ—нравственнаго отвращенія, — наблюдается и у современнаго крестьянина отсталыхъ мѣстностей, который въ необычныхъ улучшеніяхъ хозяйства видитъ «бѣсовскія выдумки», т.-е. нѣчто въ высшей степени грѣховное. Въ области потребленія характерны различныя «табу», обычныя, правовыя, нравственныя и т. д. Религіозно-

закрѣпленные въ «Пятикнижіи» обычаи, воспрещавшіе евреямъ употребленіе свинины, крови животныхъ и многихъ другихъ видовъ пищи, законы Среднихъ вѣковъ, каравшіе роскошь не по состоянію или, вѣрнѣе, не по сословію, приличію, не допускающія въ наше время наиболѣе простыхъ и удобныхъ костюмовъ, а также извѣстныхъ способовъ принятія пищи, нравственное отвращеніе многихъ культурныхъ и некультурныхъ людей къ спиртнымъ напиткамъ,—вогъ типичные примѣры «табу», примѣры, которыхъ можно было бы еще привести безчисленное множество.

Всеобъемлющая сила обычая-привычки опредѣляла собою первоначально не только *поступки* людей, но и ихъ *внутреннія переживанія*. Здѣсь принудительныя нормы также наслѣдовали обычаю. Въ восточныхъ деспотіяхъ древности встрѣчались случаи смертной казни за «преступныя сновидѣнія», когда, напр., человѣку приснится, что онъ убилъ царя; инквизиція считала еретическія мысли преступными независимо отъ того, высказывались онѣ или нѣтъ; и былъ случай, что инквизиторъ самъ донесъ на себя, когда его стали осаждать богохульныя мысли,—за что

и былъ по справедливости сожженъ на кострѣ. И въ нашемъ культурномъ мірѣ представленіе о «грѣшныхъ» или даже «преступныхъ» мысляхъ далеко еще не вполне исчезло; исчезло только правовое принужденіе, карающее «незаконную» ассоціацію идей; но осталось до сихъ поръ въ большой силѣ принужденіе нравственное, въ видѣ общественнаго порицанія и угрызеній совѣсти, и почти не отличающееся отъ него принужденіе, связанное съ нарушеніемъ нормъ приличія.

Такъ сѣтъ внѣшнихъ нормъ, то грубыхъ и твердыхъ, то мягкихъ и эластичныхъ, оплетаетъ собою всевозможныя проявленія человѣческой жизни.

VIII.

Внѣшне-принудительныя нормы всѣхъ видовъ служатъ для того, чтобы внести порядокъ въ дисгармонію жизни, порождаемую стихійнымъ развитіемъ. Но тотъ порядокъ, который онѣ вносятъ, еще не есть гармонія въ положительномъ смыслѣ этого слова. Объединеніе и регулированіе разнородныхъ жизненныхъ процессовъ получается лишь

внѣшнее. Въ человѣкѣ возникаетъ, напр., противорѣчіе между непосредственно-эгоистическими стремленіями и непосредственно-соціальными, между желаніемъ отвернуться и уйти отъ чужихъ страданій, и желаніемъ помочь имъ цѣною нѣкоторой жертвы. Велѣніе закона или нравственнаго долга подчиняетъ одни изъ этихъ мотивовъ другимъ; человѣкъ дѣйствуетъ сообразно тѣмъ изъ нихъ, которые соотвѣтствуютъ «нормѣ». Но въ предѣлахъ психики борьба ихъ отъ этого не прекращается; она можетъ даже все болѣе обостряться, если сила нормы дала побѣду не тѣмъ мотивамъ, которые въ данное время сами по себѣ усиливаются, а тѣмъ, которые слабѣютъ. Такимъ образомъ, сглаживая и подавляя проявленія внутреннихъ противорѣчій, внѣшняя норма этихъ противорѣчій не устраняетъ. Пожалуй, даже она прибавляетъ къ нимъ новое противорѣчіе: между той частной жизненной тенденціей, которая нормой подавляется, и самой этой нормой.

Далѣе, внѣшнія нормы консервативны, онѣ медленно складываются и большею частью медленно измѣняются; онѣ всегда живутъ дольше, чѣмъ вызвавшая ихъ потребность,

и умирають только послѣ упорной борьбы. Наше время полно такой борьбою: къ ней сводится почти вся политическая жизнь отсталыхъ странъ, какъ Россія, и даже значительная часть политической жизни странъ передовыхъ. То же и въ другихъ областяхъ нормативной идеологіи. Пережившая себя правовая организація, система обычаевъ, морали уже не регулируетъ стихійнаго развитія, не сглаживаетъ его противорѣчій, а просто его задерживаетъ, вызывая иногда своимъ сопротивленіемъ колоссальную растрату лучшихъ силъ развивающейся жизни, чему столько примѣровъ даетъ эпоха, переживаемая нашей страной. Здѣсь—новый источникъ жизненныхъ противорѣчій.

Внѣшне-принудительныя нормы безусловно необходимы для сохраненія жизни среди противорѣчій стихійнаго развитія,—но достигаютъ онѣ этого сохраненія лишь цѣною стѣсненія самого развитія, цѣною его ограниченія и задержекъ. Зато онѣ, замѣняя внѣшніе конфликты грубой борьбы внутренними противорѣчіями, вытекающими изъ принужденія, направляютъ тѣмъ сильнѣе человѣческое сознаніе въ сторону выработки новыхъ формъ жизни и разви-

тія, формъ, свободныхъ отъ стихійности, отъ противорѣчій и принужденія.

IX.

Можно считать за общее правило, что противорѣчія стихійнаго развитія тѣмъ острѣе, глубже и шире, чѣмъ выше та ступень жизни, на которой они проявляются. Въ стихійномъ ростѣ человѣческаго организма выступленіе на сцену половой жизни даетъ гораздо больше новыхъ тревогъ и диссонансовъ, чѣмъ въ развитіи какого-нибудь молодого животного. Точно такъ же прогрессъ «культурныхъ» капиталистическихъ обществъ покупается цѣною несравненно большей суммы противорѣчій, чѣмъ прогрессъ «докультурныхъ» общинъ натурально-хозяйственнаго типа. Для высшихъ формъ стихійно-развивающейся жизни ея ускоренный ростъ соединяется съ усиленной ея расстройкой.

Очень часто бываетъ даже такъ, что трата перевѣшиваетъ ростъ жизни, развитіе переходитъ въ деградацию, «шагъ впередъ» влечетъ за собою «два шага назадъ». Болѣзни роста приводятъ иногда къ глубокому и длительному истощенію молодой,

тонкой организаціи, а то и къ полному ея крушенію.

Что же именно обостряетъ до такой степени для высшихъ формъ жизни противорѣчія стихійнаго ихъ развитія? Тѣ самыя особенности этихъ формъ, которыя дѣлають ихъ «высшими».

Прежде всего ихъ меньшій консерватизмъ ихъ бoльшая гибкость и пластичность. Неподвижныя, консервативныя низшія формы обладаютъ, естественно, гораздо большей, непосредственной устойчивостью. Правда, это только непосредственная устойчивость, подобная прочности камня, который трудно разбить, но разъ это случилось—его прежняя форма потеряна навсегда. Однако, такая устойчивость гарантируетъ жизненный комплексъ отъ слишкомъ быстрого разрушенія подъ дѣйствіемъ умеренно-сильныхъ вредныхъ вліяній, т.-е. именно наиболѣе обычныхъ и частыхъ. Такъ, для горожанина или вообще культурнаго человѣка, съ ихъ болѣе впечатлительной, менѣе выносливой организаціей, противорѣчія періода половой зрѣлости имѣють гораздо болѣе болѣзненный и острый характеръ, чѣмъ для дикаря или крестьянина.

Другой моментъ, дѣйствующій въ томъ же смыслѣ, это богатство жизненнаго содержанія высшихъ формъ—большое количество элементовъ и разнообразіе частей, изъ которыхъ онѣ слагаются. Всякое измѣненіе, порождаемое стихійнымъ развитіемъ, среди массы наличныхъ комбинацій, входящихъ въ данную жизненную систему, встрѣчаетъ, естественнымъ образомъ, очень много такихъ, съ которыми оказывается въ жизненномъ противорѣчій. Такъ, новая идея, возникшая въ головѣ отдѣльной личности, имѣетъ всѣ шансы встрѣтить гораздо больше сопротивленій и противодѣйствій въ сферѣ сложной, широко расчлененной идеологической жизни общества, чѣмъ въ узкой и небогатой идейной жизни ближайшаго къ автору кружка людей.

Наконецъ, третья особенность высшихъ формъ, обостряющая противорѣчія ихъ стихійнаго развитія, это ихъ внутреннее единство, ихъ организованность, тѣсная жизненная связь ихъ частей и элементовъ. Именно въ силу этой связи и организованности для человѣческаго, напр., организма гипертрофія или атрофія какого-нибудь его органа или функции, оказывая болѣе глубокое вліяніе на всѣ остальные его отношенія, гораздо

опаснѣе, чѣмъ, положимъ, для кольчататаго червя съ его сравнительно-малой жизненной связью и зависимостью отдѣльных частей.

Очевидно, что всѣ эти условія, обостряющія дисгармонію стихійнаго развитія, должны все болѣе усиливаться по мѣрѣ самаго этого развитія. Противорѣчія, должны все болѣе возрастать.

Если такъ, то не идетъ ли развитіе жизни по вѣрному пути къ безнадежному крушенію? Гдѣ выходъ изъ роковой связи между прогрессомъ жизни и прогрессомъ ея противорѣчій?

Выходъ лежитъ за предѣлами стихійнаго развитія, онъ дается измѣненіемъ самой формы развитія.

Х.

Изъ мучительныхъ колебаній жизни, порождаемыхъ стихійнымъ развитіемъ, изъ его дорогой цѣны и возрастающей ненадежности возникаетъ новая потребность: внести гармонію и единство въ самый процессъ развитія, сдѣлать его стройнымъ и цѣлостнымъ, устранить его стихійность. Его колебанія должны уступить мѣсто непрерывности, его

диссонансы—полнымъ и яснымъ аккордамъ; его цѣна должна стать равною его результатамъ, элементъ случайности долженъ изъ него исчезнуть. Словомъ, необходимо, чтобы изъ движенія стихійнаго жизнь превратилась въ движеніе гармоническое.

Только тогда прогрессъ находитъ несокрушимую опору во всей суммѣ накопленныхъ силъ жизни, только тогда передъ нимъ открывается безконечность побѣжденной и постоянно вновь побѣждаемой природы: *борьба за большее превращается въ борьбу за все.*

Въ этомъ сознательно - цѣлесообразномъ прогрессѣ жизни вопросъ о цѣляхъ жизни получаетъ впервые законченное значеніе и находитъ свободный отъ противорѣчій отвѣтъ—въ безконечно возрастающей суммѣ счастья. Представить себѣ этотъ типъ жизни сколько-нибудь полно и ясно не въ силахъ мы—люди односторонняго, дисгармоническаго развитія, люди эпохи противорѣчій. Но мы смутно предчувствуемъ его въ моменты экстаза созерцанія или мысли, когда при живомъ общеніи съ прекрасной природой или могучимъ геніемъ намъ кажется, что наше маленькое существо исчезаетъ, сливаясь съ безконечностью.

XI.

Было бы, однако, неразумно говорить о высшемъ типѣ жизни, о гармоническомъ ея процессѣ, если бы въ нашемъ опытѣ не имѣлось ничего кромѣ смутныхъ его предчувствій, кромѣ неопредѣленнаго стремленія къ нему,—если бы нельзя было намѣтить его зародышей въ прошломъ и настоящемъ, если бы не было данныхъ, чтобы хоть въ самыхъ общихъ и схематичныхъ чертахъ обрисовать его вѣроятное дальнѣйшее развитие. Къ счастью, такіе зародыши и такія данныя существуютъ, и ихъ достаточно для того, чтобы дать основу для вполне опредѣленныхъ выводовъ.

Прежде всего, гдѣ лежатъ тѣ условія, которыя создаютъ самую *возможность* перехода отъ стихійно - противорѣчиваго развитія къ планомѣрно-гармоническому? Тамъ же, гдѣ условія прогрессивнаго обостренія противорѣчій стихійно - развивающейся жизни—въ возрастающей пластичности жезценныхъ формъ, въ умножающемся богатствѣ ихъ содержанія, въ ихъ увеличивающейся организованности.

Только высокая пластичность жизни до-

пускаетъ быстрое и разностороннее приспособленіе къ ея средѣ,—сравните въ этомъ отношеніи гибкую натуру городского работника-пролетарія съ деревянно - неуклюжею психикой крестьянина отсталой деревни. Только въ богатомъ жизненномъ содержаніи, сложномъ и разнообразномъ, могутъ всегда найтись необходимые элементы для такого приспособленія;—сопоставьте, напр., живую находчивость много выдавашаго и много испытывашаго человѣка при всевозможныхъ обстоятельствахъ съ обычной тупой растерянностью человѣка бѣднаго опытомъ—при сколько-нибудь новой комбинаціи условій. Наконецъ, только растущая организованность формъ дѣлаетъ отдѣльные, частные процессы развитія все менѣе изолированными, приводитъ къ тому, что каждый изъ нихъ уже не ограничивается той частью жизненнаго цѣлаго, гдѣ возникаетъ, но немедленно отражается на всѣхъ остальныхъ частяхъ вызывая въ нихъ рядъ соотвѣтственныхъ измѣненій;—характерна въ этомъ смыслѣ противоположность между высоко-организованнымъ мышленіемъ философа, въ которомъ новое явленіе, новая идея можетъ вызвать созвучныя измѣненія или даже преобразо-

ванія во всѣхъ областяхъ міровоззрѣнія, и сравнительно слабо организованнымъ мышленіемъ филистера, который укладываетъ новый фактъ или новую мысль въ одинъ изъ многочисленныхъ ящичковъ своего мозга, и затѣмъ запираетъ на ключъ впредь до практической надобности, не заботясь о томъ, что въ другихъ ящичкахъ лежатъ мысли и факты, глубоко этимъ противорѣчащіе или особенно съ ними гармонирующие.

Такъ переходъ отъ низшихъ формъ жизни къ высшимъ, усиливая противорѣчія стихійнаго развитія, подготавливаетъ въ то же время коренное устраненіе этихъ противорѣчій вмѣстѣ съ порождающей ихъ стихійностью.

XII. X

Вполнѣ гармоничное, чуждое внутреннихъ противорѣчій развитіе—это для насъ только *предѣльное понятіе*, выражающее извѣстную намъ изъ опыта тенденцію къ освобожденію процессовъ развитія отъ связанныхъ съ ними противорѣчій. Поэтому дать наглядное представленіе о гармоническомъ типѣ развитія можно лишь путемъ сопоставленія такихъ конкретныхъ случаевъ, которые наиболѣе къ

нему приближаются, съ такими, въ которыхъ недостатокъ гармоніи бросается въ глаза.

Въ современномъ обществѣ образцомъ высокоорганизованной, богатой содержаніемъ и пластичной жизненной комбинаціи можетъ служить крупно - капиталистическое предприятие, взятое специально со стороны его трудовой техники. Въ этой ограниченной сферѣ процессы развитія совершаются довольно гармонично. Вводится, положимъ, новое техническое изобрѣтеніе, которое во много разъ уменьшаетъ затрату рабочей силы въ одной изъ операций даннаго производства. Немедленно происходитъ рядъ дальнейшихъ техническихъ измѣненій.

Нельзя ограничиться удаленіемъ старыхъ машинъ и постановкою новыхъ; надо приноровить къ этимъ новымъ машинамъ все внутреннее устройство фабрики. Напр., старое зданіе можетъ для нихъ не годиться; тогда его надо передѣлать примѣнительно къ новымъ требованіямъ; и соотвѣтственно этому могутъ понадобиться частичныя передѣлки въ другихъ отдѣленіяхъ фабрики и въ сообщеніяхъ между ними. Система передаточныхъ механизмовъ, распредѣляющихъ

механическую силу между отдѣльными машинами, также должна быть соотвѣтственно преобразована. Уменьшеніе потребности въ рабочей силѣ освобождаетъ часть капитала, и ее можно употребить на болѣе или менѣе равномерное расширеніе всего предпріятія. Освобожденныя машиной рабочія руки при этомъ могутъ вновь найти себѣ примѣненіе, но въ значительной части уже не то, какое прежде; и при этой перемѣнѣ ролей надо, въ интересахъ предпріятія, дать каждому работнику наиболѣе подходящую для него функцію, а нѣкоторыхъ, можетъ быть, совсѣмъ устранить изъ даннаго производства и замѣнить ихъ нанять умѣло выбранныхъ новыхъ. Все это перераспредѣленіе капитала и труда выполняется быстро и легко, благодаря наличности инженеровъ и директоровъ, обладающихъ богатымъ опытомъ и знаніями по организаціи дѣла. Такимъ образомъ развитіе въ одной части системы вызываетъ соотвѣтственныя приспособленія во всѣхъ остальныхъ, и частичный прогрессъ превращается въ прогрессъ цѣлаго. Никакимъ значительнымъ замѣшательствомъ или разстройствомъ въ технической жизни предпріятія онъ не сопровождается.

Но совсѣмъ въ иномъ видѣ выступаетъ дѣло тогда, когда мы беремъ данное предпріятіе въ связи со всѣми другими. Современная экономическая система въ ея цѣломъ отличается *неорганизованностью*, и въ этомъ смыслѣ по сравненію съ высоко-организованнымъ отдѣльнымъ предпріятіемъ представляетъ низшую форму жизни, развитіе которой имѣетъ несравненно болѣе стихійный и противорѣчивый характеръ. Здѣсь техническій прогрессъ однихъ предпріятій вызываетъ упадокъ и даже гибель другихъ; онъ лишаетъ множество сильныхъ работниковъ ихъ полезной роли въ общественномъ трудѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякихъ средствъ къ жизни, — дѣлая ихъ рабочую силу излишней въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ производительность труда повысилась, не даетъ имъ мѣста въ другихъ, отсталыхъ, а потому падающихъ предпріятіяхъ. Временами тотъ же техническій прогрессъ приводитъ къ общимъ кризисамъ производства — ужаснымъ потрясеніямъ всей общественной жизни. Наконецъ, классовыя противорѣчія — порожденіе того же стихійнаго прогресса; и хотя только они въ своемъ развитіи создаютъ для общества возможность выбраться изъ-подъ власти соб-

ственной стихійной природы, но все же сами по себѣ они полны мучительной дисгармоніи, заключаютъ массу элементовъ разрушенія жизни...

Такъ анархія цѣлаго господствуетъ надъ организованностью частей, на каждомъ шагу уничтожая или ослабляя своей стихійною силою результаты планомѣрно-гармоническаго ихъ развитія. Общій характеръ соціального процесса остается глубоко противорѣчивымъ.

XIII.

Весь жизненный смыслъ, все положительное значеніе принудительныхъ нормъ неразрывно связаны съ противорѣчіями стихійнаго развитія. По мѣрѣ того, какъ эти противорѣчія и эта стихійность въ той или другой области жизни отступаютъ передъ организованностью и планомѣрностью, общественная роль принудительныхъ нормъ радикально измѣняется: ихъ смыслъ исчезаетъ, ихъ значеніе извращается. Принужденіе, подавляющее противорѣчія, излишне тамъ, гдѣ развитіе само по себѣ ихъ уже не порождаетъ. Консерватизмъ внѣшней нормы рѣзко сталкивается съ непрерывной тенденціей

прогресса и въ свою очередь становится источникомъ — въ этомъ случаѣ основнымъ или даже единственнымъ — глубокихъ жизненныхъ противорѣчій. Возникаетъ потребность въ иныхъ нормахъ, соотвѣтствующихъ новому типу движенія жизни. Эти новыя нормы, очевидно, должны быть свободны и отъ принудительности и отъ консерватизма прежнихъ.

Таковы *нормы цѣлесообразности*.

Нормы внѣшняго принужденія — правовыя, моральныя и т. д. — разумѣется, могутъ быть «цѣлесообразными», т.-е. полезными для общества; и онѣ даже лишь постольку занимаютъ въ жизни прочное мѣсто, поскольку «цѣлесообразны»; однако это еще не дѣлаетъ ихъ нормами цѣлесообразности. Онѣ принуждаютъ, не мотивируя и не разбирая условий; онѣ не приспособляютъ своего принужденія къ измѣняющимся условіямъ: «ты долженъ дѣлать то-то и не смѣешь поступать такъ-то», долженъ и не смѣешь совершенно независимо отъ того, насколько въ каждомъ данномъ случаѣ это для тебя цѣлесообразно, — долженъ, не смѣешь, и только: императивъ безусловный, категорическій.

Нормы цѣлесообразности не имѣютъ ни-

чего общаго съ *такой* императивностью. Вполнѣ типичный образецъ ихъ—научно-техническія правила. Правила эти, въ сущности, никого и ни къ чему не принуждаютъ, а только указываютъ наилучшіе способы къ достиженію той или иной *данной* цѣли. Они говорятъ: если ты хочешь достигнуть того-то, ты долженъ дѣйствовать такъ-то,—императивъ условный, гипотетическій. Нормы внѣшняго принужденія предписываютъ человѣку самыя его цѣли или, по крайней мѣрѣ, границы этихъ цѣлей; не пожелай жены искренняго твоего, и т. п. Нормы цѣлесообразности представляютъ выборъ цѣлей самому человѣку: если ты пожелалъ жены искренняго твоего, то... и т. д.

Связь этихъ нормъ съ гармоническимъ ходомъ развитія очень понятна. Если развитіе не порождаетъ противорѣчій, то цѣли, изъ него вытекающія и выражающія собою его тенденціи, не сталкиваются между собою въ безысходныхъ конфликтахъ, а потому въ интересахъ жизни для нихъ не требуется никакихъ ограниченій.

Впрочемъ, поскольку дѣло идетъ о промежуточныхъ, о посредствующихъ цѣляхъ, поскольку и нормы цѣлесообразности могутъ

опредѣлять собою выборъ цѣлей: если ты хочешь достигнуть такой-то конечной цѣли, то сначала долженъ поставить себѣ такія-то ближайшія цѣли, а отъ нихъ перейти къ такимъ-то послѣдующимъ, и т. д. Очевидно и здѣсь указаніе имѣетъ тотъ же условный характеръ: это выясненіе необходимыхъ средствъ, которыя временно играютъ роль цѣлей. Такъ, для сознательнаго политическаго дѣятеля сила его партіи есть одна изъ главныхъ цѣлей, но отнюдь не конечная цѣль; въ случаѣ надобности онъ ради этой послѣдней долженъ забыть о первой; если данное средство перестало быть необходимымъ для достиженія поставленнаго идеала и всего вѣрнѣе къ нему ведущимъ, то цѣлесообразность предписываетъ отказаться отъ этого средства.

Нормы цѣлесообразности всецѣло *подлежатъ критикѣ* опыта и познанія, нормы принужденія *требуютъ себѣ господства и надъ этой критикой*. Эти двѣ тенденціи мышленія философски выражаются, съ одной стороны, въ идеѣ «примата» теоретическаго разума надъ практическимъ, съ другой — въ идеѣ «примата» практическаго разума надъ теоретическимъ.

XIV.

Если нормы цѣлесообразности сами по себѣ не предписываютъ людямъ тѣхъ или иныхъ конкретныхъ цѣлей, то не слѣдуетъ ли изъ этого, что онѣ предполагаютъ полный произволъ въ выборѣ этихъ цѣлей?

И да, и нѣтъ.

Формально—да, потому что логическій мыслимы какія угодно цѣли, самыя разумныя и самыя чудовищныя, и вмѣстѣ съ ними—вполнѣ соотвѣтствующія имъ нормы цѣлесообразности: если ты хочешь пожертвовать своею жизнью съ наибольшей пользою для развитія человѣчества, то это надо сдѣлать такимъ-то способомъ; если ты хочешь отнять жизнь у своего ближняго, то здѣсь всего удобнѣе такіе-то приемы, и т. п.

По существу—нѣтъ. Изъ безчисленныхъ логическихъ возможностей только одна равняется реальности. Нормы цѣлесообразности—не игра мышленія, а опредѣленные *формы жизни*. Онѣ выступаютъ въ общественныхъ отношеніяхъ на мѣсто нормъ принужденія только при опредѣленныхъ жизненныхъ условіяхъ и исторически неразрывно связаны съ этими условіями. Онѣ соотвѣтствуютъ гар-

моническому развитію жизни и имѣютъ его своей предпосылкою. Этимъ вполне опредѣляется та всеобщая конечная цѣль, которой онѣ подчинены: тахітисъ жизни общества, какъ цѣлаго, совпадающій въ то же время съ тахітисъ жизни его отдѣльных частей и его элементовъ — личностей. Поскольку такого совпаденія нѣтъ, постольку не можетъ быть и рѣчи о гармоническомъ развитіи, — а слѣдовательно, и о социальномъ господствѣ нормъ цѣлесообразности; поскольку она есть, постольку цѣли, которымъ служатъ эти нормы, при всемъ своемъ конкретномъ разнообразіи сливаются въ высшемъ единствѣ *соціально-согласованной борьбы за счастье*, борьбы за все, что жизнь и природа могутъ дать для человѣчества.

XV.

Нормы цѣлесообразности только на опредѣленной стадіи развитія человѣчества должны отнять принудительныхъ нормъ господство надъ соціальной жизнью; но возникаютъ онѣ гораздо раньше этой стадіи, проходятъ долгій путь развитія, распространяются шагъ за шагомъ на цѣлыя обширныя области жизни,

продолжая въ ея общей системѣ занимать *подчиненное* положеніе. Это вполне понятно: гдѣ и поскольку цѣли и результаты человѣческихъ дѣйствій перестаютъ оказываться взаимно-противорѣчивыми, гдѣ и поскольку дисгармонія стихійнаго развитія исчезаетъ, — тамъ и постольку освобождается мѣсто для нормъ цѣлесообразности...

Всего быстрее онѣ завоевываютъ область *трудовой техники*, область непосредственной борьбы человѣка съ природою. Здѣсь первоначально создается объединеніе человѣческихъ усилій, здѣсь необходимость побѣды надъ великимъ всеобщимъ врагомъ всего раньше преодолеваетъ и прямые конфликты человѣческихъ цѣлей, и косвенно порождаемые ихъ стихійными комбинаціями жизненные противорѣчія.

Система нормъ цѣлесообразности, планомерно организующихъ техническій опытъ людей, называется *наукою*. Сюда относятся не только собственно техническія науки, которыя такъ и излагаются въ видѣ систематизованнаго ряда практическихъ указаній, какими способами всего легче достигается та или другая техническая цѣль; науки естественныя, отъ математики и астрономіи до

соціологіи и теоріи познанія, имѣютъ по существу *то же значеніе*. Онѣ представляютъ систему нормъ цѣлесообразности *высшаго порядка*, нормъ, нормирующихъ нормы, подчиняющихъ себѣ примѣненіе всякихъ практическихъ правилъ. Когда инженеръ при помощи математическаго анализа и принциповъ механики вырабатываетъ проектъ постройки зданія и моста, онъ создаетъ непосредственно-техническія нормы цѣлесообразности при помощи нормъ научныхъ. Когда политикъ вырабатываетъ программу дѣйствій для даннаго историческаго момента и данной общественной группы, опираясь на опредѣленную соціально-философскую теорію и на анализъ соотношенія общественныхъ силъ, онъ также создаетъ непосредственно-практическія нормы цѣлесообразности, опираясь на нормы научныя. Въ конечномъ счетѣ, всякое научное познаніе представляетъ изъ себя творчество нормъ цѣлесообразности для практической дѣятельности людей.

Въ идеологической жизни общества также преобладаютъ въ наше время нормы цѣлесообразности, но тамъ онѣ не господствуютъ всецѣло. Человѣкъ можетъ въ современномъ обществѣ *впритъ*, какъ ему ка-

жется цѣлесообразнымъ для спасенія его души, *размышлять*, какъ ему кажется цѣлесообразнымъ для правильнаго пониманія и оцѣнки окружающей его дѣйствительности; но какъ только онъ начинаетъ *высказывать* результаты своей идеологической работы, такъ наряду съ нормами цѣлесообразности онъ, обыкновенно, вынужденъ принимать во вниманіе еще нѣкоторыя принудительныя нормы—права, приличія, обычаи; въ обществахъ отсталыхъ этихъ принудительныхъ нормъ больше, и онѣ даже рѣшительно преобладаютъ; въ обществахъ передовыхъ онѣ имѣются въ меньшемъ количествѣ и отступаютъ на второй планъ. Развитіе и здѣсь ведетъ къ относительному упадку нормъ принудительныхъ и къ замѣнѣ ихъ нормами цѣлесообразности—къ *освобожденію* человѣческой дѣятельности.

XVI.

Когда въ той или другой сферѣ жизни процессъ освобожденія людей отъ принудительныхъ нормъ завершился, и самое воспоминаніе о нихъ исчезаетъ, то практически устраняется изъ жизни и мысль о «свободѣ» въ этой области. Въ наше время въ пере-

довыхъ странахъ никто не думаетъ о «свободѣ» внутреннихъ переживаній—мыслей и сновъ, о «свободѣ» техническихъ изобрѣтеній и усовершенствованій, и т. п. Но самый процессъ освобожденія неминуемо протекаетъ въ формахъ принудительныхъ отношеній—нравственныхъ, правовыхъ.

Въ культурныхъ странахъ существуетъ «свобода» совѣсти, слова, печати, союзовъ. Что такое эта свобода? Определенное *право*. Какъ норма правовая, она должна, слѣдовательно, заключать въ себѣ элементы внѣшняго принужденія. Въ чемъ они заключаются? Въ томъ, что общественною силою подавляются всякія попытки нарушенія этой свободы.—Напр., юридическое содержаніе «свободы слова» таково: никто не долженъ препятствовать другимъ высказывать ихъ мысли; а кто дѣлаетъ это, тотъ подвергается наказанію. Но самая мысль о возможности препятствовать людямъ высказывать ихъ мысли означаетъ, что сохранились еще слѣды прежняго принудительнаго нормированія человѣческихъ высказываній, что есть, по меньшей мѣрѣ, воспоминанія о прежней насильственной цензурѣ слова. Когда эти слѣды и воспоминанія окончательно исчезнутъ, то

общество такъ же мало будетъ помышлять о свободѣ слова, какъ мало уже въ наше время оно помышляетъ о свободѣ дыханія или о свободѣ сновидѣній.

Тутъ проявляется тотъ общій законъ эволюціи, что новое содержаніе жизни первоначально беретъ элементы для своихъ организуемыхъ формъ отъ стараго содержанія, и только по мѣрѣ отмиранія этихъ элементовъ вырабатываетъ на ихъ мѣсто свои вполне оригинальныя формы. Новое изъ стараго и черезъ старое. Правовое принужденіе цензуры преодолевается правовымъ принужденіемъ, ограждающимъ свободу слова, и только вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, отрицательнымъ принужденіемъ, исчезаетъ въ данной области правовая форма вообще.

Метафизическій идеализмъ въ соціальныхъ наукахъ создаетъ изъ свободы совѣсти, слова и т. д. рядъ «абсолютныхъ» или «естественныхъ» правъ человѣка, непреложныхъ и вѣчно-обязательныхъ. Онъ не понимаетъ, что дѣйствительная, вполне реализованная свобода есть вовсе не «право», а отрицаніе права. Онъ достигъ той ступени развитія, на которой городского, стѣсняющаго свободу, стремятся замѣнить городovýmъ, охра-

няющимъ свободу; но выше этого послѣдняго такой идеализмъ не въ силахъ подняться въ полетѣ своей творческой фантазіи, и наивно мечтаетъ сдѣлать его вѣчнымъ. Тутъ сказывается специфическая узость буржуазной психологіи, не позволяющая «идеалисту» выйти изъ рамокъ идеологическихъ формъ, свойственныхъ буржуазному міру—формъ правовыхъ, нравственныхъ и т. д.

XVII.

Итакъ, въ сферѣ техники и познанія господство нормъ цѣлесообразности намѣчается съ опредѣленностью уже въ наше время. Иначе обстоитъ дѣло въ области экономики—взаимныхъ отношеній между людьми, возникающихъ въ трудовомъ процессѣ.

Въ современномъ обществѣ отношенія эти характеризуются неорганизованностью, анархичностью. Ихъ развитіе связано съ наибольшою суммою противорѣчій. Поэтому здѣсь объективно дается наименьшій просторъ для нормъ цѣлесообразности и наибольшая потребность въ нормахъ принужденія. И мы уже видѣли, насколько необходимы эти нормы для мѣнового процесса, выражающаго въ

себѣ основное экономическое строеніе нынѣшняго общества, необходимы въ силу коренныхъ и неустраимыхъ противорѣчій его содержанія.

Здѣсь царствуетъ принципъ собственности—права опредѣленныхъ людей на опредѣленныя вещи,—и около этого принципа, какъ его частныя проявленія, варіаціи, или какъ его необходимыя дополненія, группируются всякія другія принудительныя нормы, правовыя, нравственныя и т. д.

Буржуазный экономическій строй совершенно немыслимъ внѣ правовой системы; она—его скелетъ, необходимая связь его частей и постоянная облекающая ихъ форма.

XVIII.

Переходъ отъ экономической системы, полной противорѣчій и потому регулируемой внѣшними нормами, къ гармонической системѣ сотрудничества, для которой такія нормы не нужны, можетъ совершиться только черезъ опредѣленную переходную фазу, гдѣ новое, незаконченно сложившееся содержаніе пользуется еще старыми формами. Преобразование экономического строя должно

произойти при посредствѣ новыхъ правовыхъ отношеній, т.-е. политическимъ путемъ. Поэтому оно исторически выступаетъ, какъ цѣль определенной *partii*, причемъ обыкновенно обозначается терминомъ *Zukunftstaat* «государство будущаго».

Изслѣдуя эту формулу при помощи исторической теоріи той же—Марксовской школы, которая дѣлаетъ ее своимъ лозунгомъ, легко прійти къ мысли, что тутъ есть противорѣчіе. «Государство есть организація классоваго господства», учитъ эта школа, и въ то же время она выставляетъ, какъ идеалъ, уничтоженіе классовъ. Какимъ образомъ примирить съ этимъ идею *Zukunftstaat'a*, который все же есть «*Staat*», т.-е. государство?

Противорѣчіе здѣсь, конечно, только кажущееся. «Государство будущаго» есть дѣйствительно организація классоваго господства,—но только *того класса, который стремится устроить классы*. Такимъ образомъ, оно есть переходная стадія; оно предполагаетъ пережитки старыхъ классовыхъ идеологій, стоящіе въ противорѣчьи съ новой организаціей жизни и подлежащіе правовому нормированію. Когда эти пережитки исчезаютъ, и психологія всего общества прихо-

дитъ къ соотвѣтствію съ его новой системой сотрудничества — всеобщей коопераціей для всеобщаго развитія,—то и «государство будущаго», теряя элементы принужденія, перестаетъ быть «государствомъ». Это — общество, въ которомъ взаимныя отношенія людей такъ же, какъ ихъ отношенія къ природѣ и опыту, опредѣляются нормами цѣлесообразности. — Таковъ идеалъ, доступный взгляду современнаго человѣка, — социалистическій міръ.

XIX.

Современный человѣкъ — дитя эпохи противорѣчій и принужденія — неминуемо задастъ здѣсь вопросъ: мыслимо ли такое общество? И послѣ этого вопроса другой: вѣроятно ли его возникновеніе?

Первый вопросъ выражаетъ собою требованіе указать теперь же элементы такой общественной связи, которая сводилась бы къ нормамъ цѣлесообразности.

Второй вопросъ — требованіе показать, что существуетъ объективная возможность расширенія такой связи до предѣловъ всего общества.

Отвѣтомъ на первый вопросъ намъ послу-

жить картина внутреннихъ отношеній товарищескаго кружка.

Какъ совершается распредѣленіе труда въ группахъ этого типа? Въ зависимости отъ нормъ принужденія, и согласно нормамъ цѣлесообразности. Люди собираются и обсуждаютъ, какую именно часть общаго дѣла каждому изъ нихъ удобнѣе на себя взять. Общая цѣль является исходной точкой всѣхъ рѣшеній.

Что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о принудительности правовой, это очевидно само собою.

Исключается здѣсь и та ея варіація, которая обозначается, какъ обязательность «условнаго соглашенія». Обязательность эта заключается въ томъ, что человѣкъ подчиняется рѣшеніямъ своей группы, пока въ ней участвуетъ; если же не хочетъ подчиниться, то долженъ уйти. При товарищескихъ отношеніяхъ, въ ихъ чистой и развитой формѣ, этого нѣтъ. Если членъ группы заявляетъ, что та роль, которую предлагаютъ ему остальные, для него не подходитъ, что онъ не можетъ ее выполнить,—это не влечетъ за собою его исключенія изъ товарищеской организаціи.

О нравственной обязательности также не можетъ быть рѣчи. Никакой безусловный императивъ здѣсь не руководить дѣйствіями человѣка. Человѣкъ не можетъ взять на себя такую работу, которая мало гармонируетъ съ его привычками или даже прямо ему не-пріятна,—но онъ поступаетъ такъ или потому, что ее некому изъ товарищей выполнить, кромѣ него, т.-е. ради чисто практической цѣлесообразности, или потому, что ему хочется избавить другихъ товарищей отъ тяжелаго для нихъ труда,—стало быть, въ силу непосредственной симпатіи къ нимъ; а симпатія эта, какъ всякое непосредственное чувство, конечно, не заключаетъ въ себѣ ничего нормативнаго, ничего формально-обязательнаго.

Частныя цѣли отдѣльныхъ лицъ вытекаютъ здѣсь, такимъ образомъ, изъ ихъ общаго дѣла и возникающихъ на его почвѣ непосредственныхъ отношеній между ними; а дѣйствія опредѣляются нормами цѣлесообразности, соотвѣтственно этимъ цѣлямъ.

Таковъ высшій типъ трудовой организаціи въ своемъ *элементарномъ видѣ*.